

Константин Леонтьев

Грамотность и народность

Константин Николаевич Леонтьев

Грамотность и народность

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2517505

Аннотация

Он горячо жаловался на то, что «Россия велика, да не сердита», ставил в пример нам свою маленькую Грецию, которая схватывается с огромной Турцией. <...> Я защищал умеренную русскую политику, доказывал ему, что самое бессилие Греции есть в известном смысле сила и что всякое несвоевременное движение наше ввергло бы и греков в неисчислимые бедствия. Он все стоял на своем и приписывал умеренность нашей политики *необразованности нашего народа*. «Оттого, – говорил он, – Россия и не сердита, что народ пробудить трудно на жертвы в пользу идеи... *Подите, пробудите русского мужика!*»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Леонтьев

Грамотность и народность

I

Много мы читали и слышали о безграмотности русского народа и о том, что Россия есть страна, где *«варварство вооружено всеми средствами цивилизации»*. Когда это пишут и говорят англичане, французы и немцы, мы остаемся равнодушными или радуемся тому внутреннему ужасу за дальнейшее будущее Запада, который слышится под этими затверженными без смысла строками.

К несчастью, подобное неосмысленное понятие о России и русских существует и у тех народов, которых связывают с нами племенная близость, или вера и политическая история. Случай заставил меня довольно долго прожить на Дунае. Жизнь на берегах Дуная очень поучительна. Не говоря уже о близости таких крупных национальных и политических единиц, как Австрия, Россия, Турция, Сербия, Молдавия и Валахия, – посещение одной такой области, как Добруджа, не может пройти бесследно для внимательного человека.

В этой турецкой провинции живут под одним и тем же управлением, на одной и той же почве, под одним и тем

же небом: турки, татары, черкесы, молдаване, болгары, греки, цыгане, евреи, немецкие колонисты и *русские нескольких родов*: православные малороссы (удалившиеся сюда отчасти из Сечи Запорожской, отчасти позднее во времена крепостного права), великороссы-старообрядцы (липоване), великороссы-молуканы и православные великороссы. Если прибавить сюда и берега Молдавии, которые так близки – Измаил, Галац, Вилково и т. д., то этнографическая картина станет еще богаче, и в молдавских городах, сверх вышеисчисленных русских иноверцев найдем еще и скопцов в большом количестве. Между извозчиками, например, которые в фаэтонах возят по Галацу, очень много скопцов. То же самое, как слышно, было до последнего времени в Яссах и Бухаресте.

Систематическое, сравнительное изучение быта племен, населяющих берега нижнего Дуная, могло бы дать, я уверен, замечательные результаты. Обстоятельства не позволили мне этого сделать, но я уже доволен и тем, что сама жизнь дала мне без внимательного и правильного исследования. Я дорожу особенно двумя добытыми результатами: живым наглядным знакомством с русским простолюдином, *перенесенным на чужую почву*, и еще знакомством *со взглядами наших политических друзей на нас и на наш народ*¹.

¹ В 68-м году я имел еще право называть греков «нашими политическими друзьями». Это было, может быть, лучшее время в истории новейших сношений наших с греками (этими главными и самыми сильными представителями православия на Востоке). В то время еще не кончилось геройское восстание критян, и брак Короля Георгия с русской Великой княжною считался тогда наилучшим

Один афинский грек, весьма способный, образованный и занимавший в течение своей жизни должности не совсем ничтожные, известный, сверх того, как человек русской партии, вступил однажды со мной в разговор о нашей родине вообще.

Он горячо жаловался на то, что «Россия велика, да не сердита», ставил в пример нам свою маленькую Грецию, которая схватывается с огромной Турцией. (Этот разговор происходил в 1868 году еще до несчастного исхода критских дел.) Я защищал умеренную русскую политику, доказывал ему, что самое бессилие Греции есть в известном смысле сила и что всякое несвоевременное движение наше ввергло бы и греков в неисчислимы бедствия. Он все стоял на своем и приписывал умеренность нашей политики *необразованности нашего народа*. «Оттого, — говорил он, — Россия и не сердита, что народ пробудить трудно на жертвы в пользу идеи... *Подите, пробудите русского мужика!*»

Я не стану излагать здесь своих возражений, скажу только, что он изменил потом свои взгляды и, уезжая в Афины, благодарил меня за то, что я открыл ему много, чего он и не

выражением вековых греко-российских симпатий и залогом крепкого союза в будущем. Легкомысленная демагогия афинских политиков, с одной стороны, а с другой — простодушное потворство нашего общества болгарскому либеральному и *антицерковному* движению испортили все дело, если не в конец, то надолго. Правда — рано или поздно мы и без того столкнулись бы с греками за обладание Босфором. Но тут *есть из-за чего! Царьград и вольности болгарской буржуазии* — разве можно это равнять?

подозревал в России.

Немного погодя, после первой моей беседы с этим *весьма просвещенным греком*, я шел вечером в Галаце по площади, которая прилегает прямо к набережной Дуная. У самого берега стоят постоянно, по договору, небольшие военные суда великих держав. Они все стоят подряд; но экипажи живут особняком, и каждый по-своему. Поют матросы на всех судах, но чаще и лучше всех поют хором наши.

Каждый вечер они поют то церковные стихи, то народные грустные песни, то удалые солдатские. На берегу около канонерской лодки «Чатыр-Даг» – всегда в это время собирается народ послушать русских. Сидел и я долго на камне и слушал.

Совсем было уж темно, когда я удалился; передо мной шли разговаривая *два грека, простые матросы с купеческих судов*.

- Хорошо поют русские! – сказал один.
- Только поют! – отвечал другой.
- Погоди, *проснутся и они*, – возразил первый.
- Дожидайся, чтобы они *проснулись!*..

С этими словами греки вошли в переулок, а я пошел в другую сторону, и когда вспомнил слова моего афинского друга, столь сходные со словами матросов, мне стало больно не за русских и за их безграмотную простоту, а за греков и за их грамотное незнание. Я греков люблю, и мне жаль, что они, влачась во всех понятиях за политически ненавист-

ной им Европой, посмотрят и проглядят сами великую, назревающую славяно-русскую культуру, которая одна только в силах обновить историю.

Спустя несколько времени, мне случилось быть в Измаиле и гулять по бульвару, на котором *еще целы* полосатые *русские столбы* под фонарями.

В Измаиле все еще пахнет Россией: пролетки и телеги с дугами, рубашки навывпуск (так же, как и в Тульче), бюрократически-правильные бульвары, гостиный двор, в котором продают и теперь русские купцы даже и *кумач красный*... Посреди площади стоит около бульвара собор, выстроенный по плану, сходному с планом калужского и других губернских соборов новейшей казенной постройки.

В соборе половина службы идет по-русски, а половина порумынски; на колокольне соборной звучат густые русские колокола...

Многие из румын и греков, живущих в Измаиле, говорят по-русски...

О русском управлении многие сохранили здесь недурную память...

Итак, я гулял на бульваре; со мной ходили двое молодых людей; один был грек полурусского воспитания; другой – молдаван полуфранцузского воспитания.

Не помню, который из них начал сравнивать Тульчу с Измаилом и, вероятно, желая угодить моему русскому чувству, сказал:

– Конечно, на каждом шагу видно, что Измаил был в руках просвещенной нации, а Тульча – турецкий город. Здесь *прямые* улицы, бульвар *правильный*... и т. д.

Я отвечал ему на это: – Тульча нисколько не похожа на турецкий город и это очень жаль; турецкие города крайне живописны; Тульча похожа на новороссийский уездный городок, беспорядочно построенный *самим народом*; и этим она, пожалуй, – лучше Измаила, в котором Россия являлась не столько народными, сколько полу-европейскими своими сторонами. Нет спора – я сам вырос в губернском городе, и вид Измаила как нельзя более близок душе моей, но это не мешает мне желать, чтобы русское начальство, когда ему впредь придется украшать или строить города, менее бы увлекалось геометрическими вкусами новейшей Европы.

Молодые единовѣрцы наши, видимо, не поняли меня и возражали совсем не на то.

Таким образом завязался разговор, который кончился так:

– Сознаться, – сказал я молдавану, – что душе вашей ближе французы, чем русские; вы цените больше французский ум и характер, чем наш; я не говорю о политических отношениях... Это совсем другое... Молдаван отвечал мне на это искренно:

– Я сознаюсь вам, что я простолюдина французского ставлю выше русского мужика; но русского, равного образованием с французом, я ценю и люблю больше и француза, и ан-

гличанина, и всякого другого европейца!..

Я тогда спросил у него: кто ему больше нравится – русский ли учитель или молодой чиновник нового поколения, честный, скромный, трудолюбивый, но безличный, живущий последними модными мыслями Запада; человек, которого по образу жизни, по манерам, по разговору, одежде, симпатиям можно отнести к буржуазии всякого народа, – *или же...*

Тут я указал молдавану на одного придунайского старообрядца, старца в высшей степени замечательного по личному своеобразному характеру своему, по политическому влиянию и, наконец, потому, что, вращаясь во всех возможных слоях общества, вступая в течение долгой своей жизни в сношения с людьми высшего круга различных наций, он остался верен своему русскому старообрядчеству во всем, начиная от рубашки навыпуск и кончая отречением от табаку и чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.